

Иван Анатольевич ТАРАСЕВИЧ¹
Дмитрий Александрович КИРИЛЛОВ²

УДК 342

**КОРРЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ
РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ***

¹ кандидат юридических наук,
доцент, преподаватель, научный сотрудник,
Тюменский государственный университет (2005-2018 гг.);
священнослужитель Русской православной церкви Московского патриархата
ioann@guweb.net

² кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
kdakda@yandex.ru

Аннотация

Согласно логике обновленной Конституции РФ и тематической Резолюции ООН, оптимальным принципом устройства межрелигиозных отношений является религиозная толерантность. Логика согласуется и с целями эффективного предупреждения межрелигиозной агрессии в контексте реализации доктрины религиозной безопасности, поскольку учитывает особенности механизма преступного поведения верующих лиц.

---

* При подготовке исследования религиозным консультантом по вопросам религиозной толерантности, а также канонического и старообрядческого православия выступил о. Михаил Тимофеевич Курочкин (1952-2015).

Цитирование: Тарасевич И. А. Коррекция конституционно-правовой основы религиозной безопасности России в контексте криминологического значения религиозной толерантности / И. А. Тарасевич, Д. А. Кириллов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 212-232.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-212-232

Между тем конституционно-правовая основа религиозной безопасности, включая законодательство России о свободе совести, с данной логикой не согласуется. Это указывает на важность коррекции существующих правовых подходов. Такая постановка вопроса в исследовательском аспекте является новой.

Исследование проводится более десяти лет, затрагивает широкий круг конституционно-правовых вопросов религиозного пространства, отражено более чем в 40 статьях авторов, в том числе в нескольких совместных. В основе методики исследования лежит диалектическая методология. Также применяются элементы иных методологических подходов, в частности методы фальсификации, абстрактного среза, некоторые другие. В ходе исследования проведены опросы более девяти сот лиц, назвавшихся верующими, религиозными агностиками и атеистами. Цель представляемого в настоящей статье аспекта исследования — обоснование важности коррекции правового регулирования межрелигиозных отношений с точки зрения криминологического значения религиозной толерантности для целей религиозной безопасности. Актуальность данный аспект имеет в связи с накоплением в обществе идей религиозной исключительности, а также неприятием религиозной толерантности.

В статье обосновывается криминологическая значимость религиозной толерантности как одного из важнейших факторов религиозной безопасности, указывается на ущербность терпимости в вопросах веры как российского законодательного антипода религиозной толерантности, на отсутствие религиозной толерантности в России, предлагаются первоочередные меры для обеспечения правовой институционализации толерантности в религиозное пространство. К числу таких мер относится, в частности, использование позитивного потенциала двух крупнейших религиозных общностей России — суннизма и канонического православия, предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова

Межрелигиозные отношения, религиозная безопасность, законодательство о свободе совести, иноверующие, криминологические предпосылки, религиозная толерантность, веротерпимость, религиозное пространство.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-212-232

Введение

Настоящая статья посвящена оценке правовых принципов устройства религиозного пространства России с точки зрения того обстоятельства, что криминологически оптимальным для целей религиозной безопасности, а также рекомендуемым Генеральной Ассамблеей ООН принципом такого устройства является религиозная толерантность. При этом под религиозным пространством мы понимаем совокупность религиозных явлений на определенной территории.

Цель настоящей статьи — обоснование необходимости коррекции правового регулирования межрелигиозных отношений, в том числе законодательства РФ о свободе совести с точки зрения криминологического значения религиозной

толерантности для целей религиозной безопасности. Необходимость такой коррекции обусловлена, главным образом, тем обстоятельством, что в качестве одного из главных принципов построения межрелигиозных отношений в России, гармонизация которых является задачей системы мер религиозной безопасности, сегодня провозглашена и институционализована терпимость в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Между тем данный принцип исторически и терминологически коренится в идеях середины XVIII в. о веротерпимости, подразумевающих наличие основного (главного) вероучения и прочих (неглавных) вероучений, существование которых следует претерпевать в качестве неудобной, но неизбежной данности.

Актуальность затронутых статьей вопросов многоаспектна. Так, налицо накопление в последние годы в обществе идей религиозной исключительности. Также после принятия Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2018 г. Резолюции «Просвещение и религиозная толерантность», которую Россия поддержала, всё более очевидным становится понимание того, что ориентирование общества на терпимость в вопросах веры, в том числе и законодательное, фактически содержит латентные признаки поощрения религиозного превосходства.

Кроме того, в связи с принятием Резолюции, в русскоязычной версии которой впервые за всю историю существования ООН использовано словосочетание «религиозная толерантность», оценки требует и фактическое неприятие религиозной толерантности со стороны отдельных социальных институтов.

Методы

В основе методики исследования лежит диалектическая методология. Также применяются элементы иных методологических подходов. В целом же применялся «стандартный» для социально-правового исследования набор методов. При формулировании отдельных выводов применялись нехарактерные для диалектической методологии методы фальсификации, абстрактного среза, некоторые другие.

Для обоснования целесообразности коррекции правовой основы религиозной безопасности в целом и законодательства РФ о свободе совести в частности проанализирована фактическая реализация заявленных принципов устройства религиозного пространства; дана криминологическая оценка религиозной толерантности как принципа межрелигиозных отношений, рекомендуемого ООН в качестве оптимального; исследовано соотношение терпимости в вопросах веры и религиозной толерантности; оценены роль, возможности и препятствия для осуществления двумя крупнейшими религиозными сообществами России вклада в коррекцию правовой основы религиозной безопасности в контексте перехода религиозного пространства от устройства на базе веротерпимости к религиозной толерантности.

В ходе исследования проведены опросы более девяти сот лиц, назвавшихся верующими, религиозными агностиками и атеистами, приняты во внимание научные подходы и мнения таких ученых, как А. П. Данилов, В. М. Золотухин, В. Д. Ларичев, О. Н. Мигущенко, И. А. Стернин, ряда других исследователей.

При написании статьи авторы опирались на обнародованные после 2010 г. более чем в 40 работах результаты собственных конституционно-правовых, криминологических и уголовно-правовых исследований вопросов религиозной сферы, в том числе проблем религиозной безопасности и религиозной толерантности.

Результаты

В соответствии с логикой Резолюции ООН «Просвещение и религиозная толерантность», а также особенностями механизма преступного поведения верующих лиц, оптимальным для обеспечения религиозной безопасности принципом устройства религиозного пространства является религиозная толерантность. Между тем конституционно-правовая основа религиозной безопасности, включая законодательство России о свободе совести, с данной логикой не согласуется. Такая рассогласованность указывает на важность коррекции существующих правовых подходов.

В статье обосновывается криминологическая значимость религиозной толерантности как одного из важнейших факторов религиозной безопасности, указывается на ущербность терпимости в вопросах веры как российского законодательного и фактического антипода религиозной толерантности, на отсутствие религиозной толерантности в России, на неоднозначное отношение к религиозной толерантности со стороны двух крупнейших для России религиозных сообществ, предлагаются первоочередные меры для обеспечения конституционно-правовой институционализации толерантности в религиозное пространство. К числу первоочередных мер по коррекции правовой основы религиозной безопасности в контексте переустройства религиозного пространства на началах религиозной толерантности относится, в частности, использование позитивного потенциала двух крупнейших религиозных общностей России — суннизма и канонического православия. К числу последующих мер относится коррекция законодательства, обосновывается принятие нового закона, комплексно регулирующего вопросы религиозной жизни страны.

Обсуждение

Из общенаучных представлений о религиозности известно, что религиозное миропонимание как сторона жизни общества характеризуется множеством вероучений. Каждое вероучение имеет собственную систему базовых постулируемых (аксиоматических) догматов и сверхъестественных сущностей. С определенной долей условности подобную систему сущностей и догматов, характерную для любого вероучения, можно именовать символом веры, хотя, в узком смысле слова, словосочетание «символ веры» на русском языке долгое время было относито только к христианству, и лишь в последние годы стало использоваться применительно и к другим вероучениям.

В обществе присутствует множество символов веры, которые, говоря условно, окружают каждого верующего. Однако, являясь — в силу самой природы

религиозности — последователем лишь одного вероучения из многих, верующий не может не признавать истинности только одного символа веры, соответствующего «его» вероучению, и неистинности всех остальных. Также природа религиозности предопределяет признание верующим адекватности и неадекватности религиозных представлений сторонников, соответственно, своего и других вероучений.

Представителей иных вероучений по отношению к вероучению верующего лица представляется корректным именовать иноверующими. При этом нельзя не заметить, что мироотношенческие представления религиозных агностиков и атеистов медианный верующий также оценивает как в целом неадекватные. В связи с этим в настоящей статье агностики и атеисты также, по общему правилу, будут именоваться иноверующими.

Отношение к иноверующим находит отражение в поведении верующих в адрес иноверующих. Вариантов такого поведения множество, и их можно расположить на шкале некоего достаточно широкого условного диапазона.

С одной стороны данного диапазона можно расположить основанные на религиозных различиях запредельные проявления агрессии к иноверующим — военные конфликты больших групп последователей различных вероучений (религиозные войны), проявления религиозного экстремизма, связанные с лишением иноверующих жизни, иные преступные проявления, которые интегрированы в качестве одного из элементов в религиозную преступность. С другой, противоположной стороны диапазона поведенческой реализации представлений об адекватности (неадекватности) собственного (иног) символа веры можно расположить полное отсутствие какой-либо агрессии сторонников различных символов веры (разноверующих лиц) друг к другу.

Из смысла религиозной безопасности представляется очевидным, что единственно допустимым вариантом «межрелигиозного поведения» является поведение, исключающее взаимную агрессию разноверующих лиц по мотивам веры. В свою очередь, предпосылками отказа верующих от агрессивного поведения в отношении иноверующих могут быть самые различные обстоятельства как объективного, так и субъективного свойства. Ими могут, в частности, быть социальная, в том числе крайняя необходимость; страх быть привлеченным к ответственности; согласие с вынужденным компромиссом; устойчивые представления о приоритете общечеловеческих прав как «ценностей первого порядка» по сравнению с религиозной принадлежностью как «ценностью порядка более низкого уровня» и т. д.

С принятием 12 декабря 2018 г. тематической Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [16] официально подтвержден ранее озвучивавшийся в ряде работ тезис о том, что криминологически наиболее обоснованной в аспекте воспроизводства неагрессивного поведения, а потому и наиболее самодостаточной из таких предпосылок для целей вклада в религиозную безопасность является религиозная толерантность, рассматриваемая как базовый принцип и межрелигиозных отношений, и устройства религиозного пространства.

Представляется значимым провести анализ понятия «религиозная толерантность» и оценить его для целей религиозной безопасности с точки зрения криминологического потенциала, а именно как систему эффективных предпосылок предупреждения агрессивного поведения верующих в отношении иноверующих.

Мы в целом соглашаемся с И. А. Стерниным в том, что для раскрытия понятия «религиозная толерантность» смыслообразующим словосочетанием является «уважение к чужим религиозным убеждениям» [17]. Потому не согласны, в частности, с криминологическим подходом, озвученным А. П. Даниловым, который предлагает без каких-либо оговорок, а, следовательно, применительно и к религиозной сфере, отождествлять понятия «толерантность» и «терпимость» [5, с. 27]. Исходить при этом можно, в частности, из текста преамбулы Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (далее — ФЗ «О свободе совести»). Так, базовой для отечественного религиозного пространства является триада принципов: взаимное понимание религиозных убеждений, терпимость чужой веры и уважение к ней [22], тогда как религиозная толерантность, по меньшей мере, включает один из элементов триады, отделяемый законодателем от терпимости, а именно уважение к чужой религиозности, потому с терпимостью совпадать никак не может.

Кроме того, полагаем, что такой психологический феномен, как терпимость, содержит в себе некоторые элементы самонасилия, самозаставления, самопринуждения и несвободы по отношению к непонятному обстоятельству, от которого, говоря условно, «никуда не денешься», и другие схожие понятия соответствующего логического ряда. По мнению В. М. Золотухина, терпимость в своих крайних проявлениях не исключает не только дискомфорта, но даже и неприязни, а находящееся в состоянии терпимости лицо нередко исключает лишь открытую агрессию, в том числе к субъекту, который, по мнению претерпевающего, создает дискомфорт [10, с. 99-100]. Что же касается толерантности, то в ее основе лежат понимание, уважение, признание безусловного права другого лица на отличие и на многообразие форм самореализации. Указанные характеристики исключают несвободу и дискомфорт и в статистическом большинстве случаев не содержат предпосылок агрессивной установки.

Именно известный элемент враждебности в состоянии терпимости делает терпимость в вопросах веры гораздо менее предпочтительным принципом межрелигиозных отношений, чем религиозная толерантность.

Возвращаясь к религиозной толерантности и акцентируя внимание на том, что в ее основе, как было указано выше, лежат уважение к иноверию и его принятие, полагаем возможным говорить, во-первых, о режиме уважительного отношения как об элементе социальной характеристики религиозного пространства и, во-вторых, об уважении как об индивидуальной внутренней психологической установке верующего по отношению к иноверию. Первому из выделенных аспектов соответствует религиозная толерантность в объективном смысле, а второму — в субъективном смысле.

В объективном смысле, то есть в обществе, религиозная толерантность является одним из индикаторов особой степени гармонизации явлений религиозного пространства страны или группы стран. Здесь, как было показано выше, режим межрелигиозных отношений подразумевает исключение агрессии верующих лиц в адрес иноверующих не на началах «веротерпимости», а на началах систематического воспроизводства социумом таких межрелигиозных благ, как понимание верующими и принятие ими иных вероучений, а также уважение и понимание сторонников последних.

В субъективном же (личностном) смысле под религиозной толерантностью следует понимать соответствующую внутреннюю «предповеденческо-отношенческую» характеристику состояния верующего, исключающего его агрессию в адрес иноверующих.

Принято также говорить о двух видах (уровнях) религиозной толерантности — низшем, который предполагает исключаящее вражду устойчивое безразличие к иноверию, и высшем, характеризующемся уважением и пониманием иноверия [4].

С позиций криминологии более предпочтительным для исключения агрессии верующего по отношению к иноверующим представляется высший уровень религиозной толерантности, поскольку подразумевает активную ценностную установку. Однако даже и низший уровень религиозной толерантности исключает предпосылки агрессии, в силу чего и его достижение с точки зрения системы религиозной безопасности представляется значимым. При этом следующим шагом должен стать переход субъекта религиозной толерантности (отдельного верующего, религиозной группы, всего пространства) с низшего (негативного) уровня на высший (позитивный). Условием такого перехода будет трансформация безразличия к иноверию в уважительное отношение к чужим вероучениям и их последователям.

Как очевидный антипод внутренней субъективной готовности индивидуального или группового религиозного субъекта к агрессивному поведению по отношению к иноверующим, религиозная толерантность, по нашему мнению, сама по себе обладает весомым антикриминогенным потенциалом. Поэтому любую позитивизацию религиозной сферы в контексте интеграции в нее ценностей религиозной толерантности считаем верным рассматривать как меру обеспечения религиозной безопасности.

Завершая достаточную для целей написания настоящей статьи характеристику религиозной толерантности, отметим следующее. Адресная преступная агрессия последователей отдельных религиозных подходов к сторонникам «своего» же символа веры (соверующим) также представляет интерес, в том числе и для предупреждения религиозной преступности, однако в предмет настоящего рассмотрения не включается, поскольку к религиозной толерантности отношения не имеет.

В системе мер религиозной безопасности важное место занимает предупреждение религиозной преступности [19, с. 270-305]. В свою очередь, устройство религиозного пространства на началах религиозной толерантности не является мерой специального предупреждения религиозной преступности, но является мерой общесоциального обеспечения религиозной безопасности.

Под общесоциальным обеспечением мы понимаем позитивизацию различных сторон жизни общества в широком смысле слова, то есть, по сути, общесоциальное предупреждение преступности. Следует заметить, что начатая более полувека тому назад полемика по вопросу включения или невключения данной системы мер в предмет криминологии не утихает и сегодня. Так, по мнению В. Д. Ларичева, в целом «не следует вести речь об общесоциальном предупреждении как... виде криминологического предупреждения преступности» [12, с. 133], тогда как, по мнению О. Н. Мигущенко, применительно к криминологическому противодействию религиозному экстремизму, «в конечном счете успех определяется на общесоциальном уровне предупредительной деятельности» [13, с. 55].

В силу общелогического приоритета «специального» по отношению к «общему», повышенной значимости социального умирения разноверческих религиозных подходов и обеспечения режима религиозной безопасности, полагаем правильным согласиться с точкой зрения О. Н. Мигущенко. Здесь, по нашему мнению, ключевое значение имеет одна из особенностей механизма индивидуального преступного поведения верующего лица. Она обусловлена самой природой религиозности, которая проявляется в том, что временной промежуток между моментом «условно полного отсутствия» у верующего установки на агрессию к иноверующему и моментом начала реальной агрессии в отношении иноверующего нередко составляет лишь несколько мгновений. Потому эффективным будет предупреждение формирования даже не установки на агрессию, а самих предпосылок возможного появления такой установки, что решается отнюдь не на специальном, а исключительно на общесоциальном уровне предупредительной деятельности. Кроме того, о криминологической значимости религиозного фактора в целом, а не только отдельных его проявлений, непосредственно детерминирующих преступность, указывалось и в работах других авторов [1, с. 69].

В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что религиозная толерантность религиозному пространству России системно не свойственна. Следовательно, отечественное религиозное пространство на сегодняшний день не может обеспечить эффективное системное (то есть закономерное) блокирование актов межрелигиозной агрессии.

Потому полагаем корректным говорить о специальных мерах по устройству религиозного пространства на началах религиозной толерантности как об элементе криминологического обеспечения религиозной безопасности. Здесь общесоциальное предупреждение как элемент криминологического обеспечения религиозной безопасности представляет собой выявление препятствий для религиозной толерантности во всех сферах жизни общества и разработку мер по устранению этих препятствий, а также выявление и активизацию позитивного для религиозной толерантности потенциала различных сторон жизни общества.

Значение для религиозной толерантности, в том числе в плане наличия препятствий к ее внедрению в религиозное пространство, может иметь практически каждая из многочисленных сторон жизни общества (политика, спорт, деятельность СМИ и т. п.). Между тем, основываясь на результатах проведенных нами

исследований, мы считаем, что первоочередное значение для встраивания религиозной толерантности в религиозное пространство имеет выявление таких препятствий непосредственно в самой религиозной среде. Предопределен данный выбор, главным образом, тем, что государство в ФЗ «О свободе совести» уже более двадцати лет ориентирует религиозное пространство не только на терпимость в вопросах веры, но и на такие элементы религиозной толерантности, как уважение к иноверию и взаимное понимание религиозных убеждений, однако в религиозном пространстве указанные элементы религиозной толерантности, говоря условно, не приживаются.

Наше исследование позволило прийти к выводу, что наибольший вклад в формирование устоев и правил религиозного пространства России вносят такие обстоятельства, как практика реализации в России принципиальных положений ФЗ «О свободе совести», а также групповые оценки межрелигиозных отношений со стороны религиозных сообществ России, а в особенности крупнейших из них — суннизма (конфессия ислама) и канонической части православия (крупнейшая обрядовая группа одной из конфессий христианства). Рассмотрим каждый источник подробно.

В соответствии с преамбулой ФЗ «О свободе совести», законодатель устанавливает, что принципами межрелигиозных отношений (устройства религиозного пространства, достижению которых государство считает важным содействовать), являются:

- взаимное понимание всех лиц и сообществ в вопросах веры;
- терпимость всех лиц и сообществ в вопросах веры;
- уважение всеми лицами и сообществами чужих вероучений.

Рассматривая названные в преамбуле ФЗ «О свободе совести» принципы устройства религиозного пространства с точки зрения их смыслового терминологического наполнения, считаем, что такие психологически комфортные состояния, как взаимное понимание и уважение, не могут быть логически однородными с психологически дискомфортной (в той или иной степени) терпимостью [10, с. 99-100]. То есть предлагаемая законодателем уже почти четверть века нормативная правовая триада принципов устройства религиозного пространства является внутренне противоречивой. Иными словами, бытие принципа «веротерпимости» исключает возможность одновременной реализации принципов взаимного понимания и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. И наоборот.

При этом обратим внимание, что провозглашаемые ФЗ «О свободе совести» принципы взаимного понимания и уважения в вопросах веры в полной мере сопрягаются, а принцип терпимости в вопросах веры наоборот не согласуется с провозглашенной ООН и криминологически обоснованной религиозной толерантностью как оптимальным принципом межрелигиозных отношений.

Если признавать научные рекомендации криминологии и политико-правовой посыл ООН руководством к действию, то явной правовой мерой коррекции религиозного пространства видится законодательный отказ от терпимости

и последовательная реализация принципов взаимного понимания и уважения в вопросах веры. Между тем для выбора оптимальной тактики при реализации данной меры, а также учитывая, что правовая конструкция веротерпимости была введена в России более двухсот, а конструкции взаимного понимания и уважения в вопросах веры [23] — менее тридцати лет тому назад, возникает вопрос о том, в какой мере каждый из «законных» принципов реализован в религиозном пространстве России в настоящее время. Для этого перейдем к характеристике отдельных аспектов групповых оценок сферы межрелигиозных отношений, а также религиозной толерантности со стороны двух крупнейших религиозных сообществ, представленных на территории Российской Федерации.

Мы исходим из того, что в России примерно 10-12 млн верующих взрослых последователей суннитского ислама [7] и 12-15 млн верующих взрослых православных [3, 8], включая не менее 3 млн старообрядцев [18]. При этом обращаем внимание, что к завышенным в 4-5 раз данным статистики [15] и науки [2, с. 3] о количестве православных относимся критически, различая при этом последователей православного вероучения (верующих) и лиц, являющихся лишь носителями отдельных элементов православной культуры.

Ни со стороны Русской православной церкви Московского патриархата (далее — РПЦ МП) как руководящей структуры российского канонического православия, ни со стороны ее структур более низкого уровня официальная позиция по отношению к собственно религиозной толерантности явного выражения не находит, в том числе и после принятия в декабре 2018 г. тематической Резолюции ООН, которую Россия поддержала. При этом религиозными каноническими православными организациями среднего и низового звеньев нередко транслируется в социум негативное отношение к толерантности в целом. В качестве показательного можно привести пример с содержанием сайта одной из православных религиозных организаций, где указывается, что «внедрение в общество понятия толерантности вместо терпимости, преследуют цель формирования в обществе безбожного сознания и либерального индивидуализма... терпимость имеет основание в Боге, а толерантность в безбожном обществе» [20]. То есть налицо четкое отграничение неодобряемой каноническим православием «безбожной толерантности» от поощряемой «божественной терпимости».

Безусловно, если следовать законам формальной логики, то столь неодобрительное отношение к «толерантности в целом» само по себе не означает столь же неодобрительного отношения и к «толерантности религиозной». Между тем из 32 осведомленных о неодобрительной позиции православия в отношении толерантности посетителей канонических православных приходов 27 человек (или 84%) экстраполируют оценку православием «толерантности в целом» на оценку православием религиозной толерантности. При этом всего опрашивалось 80 посетителей приходов в 12 регионах России, из которых 48 человек с неодобрительной позицией православия в отношении толерантности знакомы не были. Охарактеризованная экстраполяция сформировала у 27 человек из 80 опрошенных (более трети) мнение (различной степени глубины) о том,

что официальное российское православие якобы выступает против религиозной толерантности, то есть против таких составных элементов религиозной толерантности, как уважение к иноверию и взаимное понимание религиозных убеждений. При этом последователям канонического православия предлагается ограничиться в своем отношении к иноверию лишь терпимостью, от которой до агрессии гораздо ближе, чем от уважения иноверия и взаимного понимания верующими людьми вероучений друг друга.

В другом фрагменте данного текста с того же сайта [20], который воспроизведен и на ряде других ресурсов [21], указывается: «терпимость предполагает... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах измениться к лучшему». Религиозный контекст ресурса не исключает и интерпретации терпимости как терпения православных по отношению к иноверующим, которые еще не в силах понять, что истинно только православие. Такой подход в полной мере согласуется со смыслом основ веротерпимости, которая была впервые провозглашена в 1762 г. и подразумевала, что в России наряду с главным вероучением имеются и неглавные, последователям которых «дифференцированно» предоставлялось несколько больше прав по сравнению с объемом прав, предоставлявшихся ранее [23, с. 21]. Безусловно, подобный подход, и тем более интерпретацию терпимости, ни в коей мере нельзя назвать преобладающими для РПЦ МП и ее организаций. Между тем тот факт, что имеются предпосылки недостаточно позитивной оценки религиозной толерантности со стороны субъектов канонического православия, очевиден.

Переходя к групповой оценке религиозной толерантности и терпимости в вопросах веры на русскоязычных ресурсах суннитского ислама, отметим следующее. И в суннитском исламе, да и в исламе в целом, еще с X-XI вв. понятия религиозной толерантности и терпимости в вопросах веры не отождествляются, но и жестко не противопоставляются. При этом терпимость используется в исламе в целом для раскрытия содержания толерантности в качестве одного из элементов поясняющего смыслового ряда. Так, согласно информации, размещенной на ресурсе Центра Льва Гумилёва, относимом к сайту с доменом страны преимущественно «этно-шиитского ислама», Ибн Фарис (араб. *يزارل سراف ندمح أنيس حلأ وبأ*; ум. кон. 1004/1005), основываясь на содержании религиозных источников, «в Нормативном словаре языка указывал, что слово *самааха* (толерантность) обозначает гибкость, легкость, великодушие, терпимость, снисходительство» [9]. Тем самым, основы понимания и уважения исламом иноверующих, а также их вероучений были транслированы обществу исламскими богословами по меньшей мере уже десять веков тому назад, что сегодня, по крайней мере на богословском уровне ислама, исключает появление жестких тезисов о «безбожности» не только религиозной толерантности, но и толерантности в целом.

Между тем нередко религиозная толерантность и веротерпимость в исламе, по крайней мере в русскоязычном изложении, вольно или невольно отождествляются. Так, на одном из известных русскоязычных порталов российского

суннитского ислама указывается: «Ислам — религия веротерпимости, истоки которой берут начало в Коране и жизненной практике Пророка Мухаммада (мир Ему и благословение). <...> Толерантное отношение к инакомыслию не является тезисом, привнесенным в Ислам... Мусульмане уважительно относятся к... последователям других религий потому, что общественные отношения в Исламе строятся исключительно на принципе справедливости, гуманности и милосердия» [11]. Как представляется, тезис «Ислам — религия веротерпимости» следует рассматривать в том числе и в контексте исторических традиций использования этого понятия в государственных документах Российской империи XVIII-XX вв., а также положения преамбулы ФЗ «О свободе совести» о равенстве всех вероучений [22], что с 1990-х гг. формально предоставило возможность не только каноническому православию (как это было до октября 1917 г.), но и другим религиозным сообществам «стать субъектами» терпимого отношения к иноверию. При этом заявлений о толерантности как о негативном антиподе терпимости или подобных нами на русскоязычных ресурсах ни суннитского ислама, ни ислама в целом не выявлено.

Таким образом, можно сделать ряд промежуточных выводов.

Российское законодательство о свободе совести номинально устанавливает три принципа устройства религиозного пространства, реализация одного из которых — терпимости в вопросах веры — исключает полноценную реализацию двух других — взаимного понимания всех лиц в вопросах веры и уважения всеми лицами, а также их сообществами чужих вероучений и иноверующих.

Фактически российское религиозное пространство в качестве сущностного принципа своего устройства в преобладающей степени характеризуется терпимостью к иноверию, чем взаимным пониманием и уважением иноверующих, а также их вероучений.

В официально заявляемом богословском аспекте российский суннитский ислам находится к пониманию содержания религиозной толерантности и к ее принятию несколько ближе, чем российское каноническое православие.

Возникает вопрос: как от охарактеризованного положения вещей перейти к устройству религиозного пространства на началах религиозной толерантности, то есть последовать логике международного права (Резолюции ООН) и криминологической науки?

Касаясь вопросов исправления обозначенных противоречий текущего законодательства, сразу оговоримся, что не считаем нормативный правовой акт эффективным регулятором религиозной сферы. Именно данное обстоятельство во многом, на наш взгляд, объясняет тот факт, что уже более 20 лет противоречивый фрагмент текста ФЗ «О свободе совести» не вызывает особого недоумения ни у сторонников свободной от легизма в правопонимании части научного сообщества, ни у практиков. В связи с этим сразу же возникает мысль о том, что, возможно, следует вообще не менять закон, в том числе ввиду его низкой эффективности, а просто сместить правоприменительные акценты с терпимости как реального принципа устройства религиозного пространства на достижение взаимного понимания

и уважения в вопросах веры. С другой стороны, речь мы ведем не о рядовых, а о принципиальных нормах, и, более того, о коррекции на их основе устройства религиозного пространства. Потому представляется правильным, чтобы текст закона скорректированным принципам всё же соответствовал.

Отдельный интерес представляет вопрос о соотношении стратегии и тактики внесения в законоположение о принципах устройства религиозного пространства изменений, касающихся исключения из него указания на терпимость в вопросах веры и включения религиозной толерантности.

Прежде всего, следует иметь в виду, что сложившееся устройство, основанное преимущественно на принципе терпимости в вопросах веры, обеспечивает достаточно высокий уровень согласия и мира в межрелигиозных отношениях в России. То есть сегодня именно терпимость в вопросах веры является для определенной части верующих не только основным принципом межрелигиозных отношений, но и фактором, сдерживающим проявления экзорелигиозной агрессии. Потому прямое исключение данного принципа из текста закона могло бы создать в отношении части верующих предпосылки для оскорбления их религиозных чувств и даже эскалации агрессии. По аналогичной причине тактически некорректным видится и сиюминутное прямое включение в текст закона термина «религиозная толерантность». В связи с этим считаем возможным, в том числе и отступая, с учетом обновления Конституции РФ, от своего же подхода прошлых лет [24, с. 14], заключить, что, руководствуясь принципом приоритета чувств верующих, явным образом изменять редакцию текущего ФЗ «О свободе совести» в части коррекции принципов устройства религиозного пространства не следует ни сейчас, ни в перспективе.

Оптимальным же в создавшейся ситуации представляется принятие в ближайшее время нового закона, регулирующего вопросы религиозной сферы. Это логично и с точки зрения появления в последние годы новых подходов в осмыслении религиозного фактора в глобальном масштабе, включая принятие ряда документов ООН, и в связи с тем, что в России за прошедшие почти четверть века после принятия ФЗ «О свободе совести» сложилась новая религиозная реальность, что, в частности, отражено и в тексте обновленной Конституции страны. Прежде всего, представляется уместным на стадии законопроектной работы широко обсудить вопрос о корректности указания в законе на особую роль отдельных вероучений для истории России. Так, например, законодательное закрепление сегодня особой роли православия для России [22] не только само по себе создает предпосылки для некоторого оправдания терпимости, но и оставляет без внимания то явное обстоятельство, что такие вероучения (группы вероучений), как буддизм, язычество, тенгрианство, суннитский ислам, некоторые другие появились на территории России задолго до православия.

Целесообразно, чтобы в «будущем законе» положение о принципах устройства религиозного пространства, соответствующее аналогичному фрагменту ФЗ «О свободе совести», не содержало бы указания ни на терпимость, ни на толерантность в вопросах веры, но содержало бы термины, отражающие смысл

религиозной толерантности. Формулировка в данном случае могла бы основываться на положениях п. 1.1 Декларации принципов толерантности [6] и быть примерно следующей: «...считая важным содействовать достижению обстановки уважения, принятия и правильного понимания богатого многообразия, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...». Предложенный подход позволит в «мягкой форме», то есть сохранив поименованные в качестве принципов в текущем законе «понимание» и «уважение», трансформировать положение, включающее терпимость, в положение о религиозной толерантности.

Однако соответствующим изменениям законодательства должен, по нашему мнению, предшествовать исходящий из религиозной среды волеизъявительный импульс. Учитывая российскую «полирелигиозность», представляется логичным, чтобы своеобразными локомотивами в плане совершения первых проявлений такого импульса стали, как уже было сказано, сообщества последователей двух крупнейших вероучений России — суннитского ислама и канонического православия.

Принимая во внимание, что сегодня преамбула ФЗ «О свободе совести» прямо закрепляет «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [22], а также то, что в ущерб другим вероучениям единственной «полноценной верой» в России, с исторической точки зрения, в том числе с позиций веротерпимости, вплоть до 1917 г. провозглашалось именно каноническое православие, представляется логичным, что именно РПЦ МП, дополнительно подтвердившая свою каноническую правопреемственность от православия Российской Империи объединением с Русской православной церковью за границей (далее — РПЦЗ), должна первой заявить об отказе от терпимости в вопросах веры и о значимости постепенного перехода к религиозной толерантности. Учитывая длительность и многоаспектность проводимого нами изучения религиозного пространства, мы считаем, что имеем научное и моральное право выдвинуть следующий тезис: «Без заявления со стороны РПЦ МП об отказе от терпимости в вопросах веры в пользу религиозной толерантности, реальное изменение принципов устройства религиозного пространства России представляется невозможным (крайне маловероятным)». Такое заявление мы оцениваем как необходимое условие для реальных изменений в правовом регулировании. Без него принятие нового закона, скорее всего, будет бессмысленным, поскольку повлечет появление очередного неэффективного правового акта.

При этом требуют внимания нюансы, которые для демонстрации доброй воли и серьезности намерений РПЦ МП обязательно следует иметь в виду.

Известно, что в истории российского православия, исполнявшего «особую роль», указанную ФЗ «О свободе совести» (как сначала дораскольного, так и позже канонического), в период с X по XX в. имел место ряд фактов дискриминации язычников, мусульман (в целом), староверов (позже старообрядцев), буддистов, монофизитов, иудеев, христиан иных конфессий и групп, тенгрианцев

и представителей других вероучений. Данное обстоятельство, как представляется, сегодня может являться серьезным препятствием для восприятия иноверующими канонического православия как легитимного в религиозном смысле инициатора перехода к религиозной толерантности.

По указанному поводу наши исследования позволяют утверждать следующее. При заявлении сегодня об отказе от терпимости в вопросах веры, как и о позитивном отношении к религиозной толерантности, РПЦ МП не только подтвердила бы своим сторонникам и последователям других вероучений открытость намерений, но и оказалась в безусловном выигрыше, дав негативную оценку фактам дискриминации иноверия, которые более девятисот лет имели место со стороны российского православия по отношению к иноверующим и их вероучениям.

Частично таким образом поступила РПЦЗ в отношении последствий раскола [14], после чего показатели уважения к ней среди старообрядцев, как мы выяснили, значительно повысились, особенно в сравнении с РПЦ МП. Потому подобный шаг общероссийского канонического православия в лице РПЦ МП по отношению к представителям всех вероучений России был бы реальным средством начала движения к религиозной толерантности для всех сообществ иноверующих. Однако пока РПЦ МП официальная оценка имевшей место дискриминации иноверия православием не заявлена. И даже ничего подобного действиям РПЦЗ в отношении старообрядцев РПЦ МП не сделано. Названные обстоятельства сами по себе не являются позитивными фактором для религиозного пространства России.

К РПЦ МП есть и другие вопросы, в частности, об отсутствии реакции на сомнительные с точки зрения ветхозаветных устоев образцы поведения ряда номинальных верующих, о согласии с завышением числа верующих канонических православных и т. п. Однако эти вопросы, требуя ответов в перспективе, для целей данного изложения не являются первоочередными.

Итак, первый реальный шаг к переходу от терпимости к толерантности в вопросах веры должна, на наш взгляд, в силу исторических предпосылок, сделать РПЦ МП. Если (когда) такой шаг будет сделан, то поддержку РПЦ МП в виде следующего аналогичного шага нужно, на наш взгляд, оказать прежде всего со стороны руководящих структур российского суннитского ислама — вероучения, сравнимого по численности верующих последователей с количеством верующих последователей канонического православия.

При этом, как и применительно к православию, требуют внимания некоторые нюансы, которые для демонстрации доброй воли и серьезности намерений духовных руководящих структур российских последователей суннитского ислама следует иметь в виду.

Так, не менее 15% опрошенных нами в 2013-2015 гг. лиц, указавших, что они являются верующими, но не являются мусульманами, выразили тревогу о том, что якобы некоторые переводы Корана призывают мусульман к агрессии в отношении иноверующих. Данное обстоятельство, на наш взгляд, может сегодня

являться достаточно значимым препятствием к тому, чтобы суннитский ислам как вероучение был признан иноверующими заслуживающим доверия инициатором коррекции религиозного пространства.

Между тем проведенные после выявленной «тревоги» располагавшие к откровенности беседы с двумястами лицами из 12 регионов России, назвавшимися мусульманами, а также с пятьюдесятью тремя лицами, назвавшимися неверующими «этномусульманами», в частности, показали следующее. По мнению 106 человек (42%), не исключено, что смысловую нагрузку текста Корана в понимании иноверующих могут в корне менять некорректно «вырванные из контекста» фразы, при этом 88 человек (35%) заявили, что знают о нескольких текстуально не совпадающих переводах Корана с арабского на русский и другие языки. 41 опрошенный (16%) указал, что отдельные фрагменты некорректных переводов могут поощрять агрессию, но при этом содержание данных фрагментов не имеет отношения к первоисточнику Корана, где никакого намека на агрессию нет. И, наконец, 227 опрошенных из 253 (89%) согласились, а остальные 25 человек не выразили несогласия с идеей одного из опрашиваемых о целесообразности осуществить официальный перевод текста Корана на все государственные языки Российской Федерации, а также на иные достаточно распространенные на территории России языки, включая языки народов бывшего СССР. По нашему мнению, осуществление и распространение официальных переводов Корана свело бы к минимуму число поводов для спекуляций об агрессивном содержании его отдельных положений. Кроме того, такой шаг послужил бы основанием для оценки иноверующими истинности намерений суннитского ислама в плане инициации и участия в коррекции устройства религиозного пространства России.

В отношении последователей суннитского ислама со стороны сторонников неисламских вероучений есть и другие вопросы, к примеру, о некоторых формах прозелитизма, о приверженности отдельных верующих идеям тахрифа и т. п. Однако эти вопросы, требуя ответов в перспективе, для целей данного изложения не являются первоочередными.

Указанные шаги двух крупнейших российских вероучений будут, на наш взгляд, важнейшим условием коррекции правовой основы религиозной безопасности и институционализации в России религиозной толерантности.

Заключение

В силу специфики механизма преступного поведения верующих в отношении иноверующих, общесоциальное криминологическое обеспечение религиозной безопасности представляется более действенной мерой предупреждения преступности в данной сфере, чем специальное криминологическое предупреждение религиозной преступности.

Наибольший потенциал для целей общесоциального криминологического обеспечения религиозной безопасности, что в полной мере согласуется и с рекомендациями ООН, видится в переходе к устройству религиозного пространства России на основе принципов религиозной толерантности. Первоочередными

мерами для этого представляются действия двух крупнейших религиозных обществ России по постепенному отказу от веротерпимости в межрелигиозных отношениях в пользу религиозной толерантности, а также следующая за первоочередными мерами коррекция законодательства о свободе совести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисин А. Л. Криминологическая значимость религиозного фактора / А. Л. Анисин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 63-70.
2. Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: дис. ... докт. юрид. наук / В. Г. Беспалько. М., 2017. 493 с.
3. Великий Пост в зеркале маркетинга и социологии // Милосердие: православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/velikij-post-v-zerkale-marketing-i-sociologii/> (дата обращения: 07.07.2020).
4. Волгушева А. А. Религиозная толерантность / А. А. Волгушева // Центр управления финансами. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/religioznaya-tolerantnost.php> (дата обращения: 20.09.2020).
5. Данилов А. П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) / А. П. Данилов // Криминология вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2015. № 4. С. 27-31.
6. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Толерантность: сайт. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 07.07.2020).
7. Дорофеев И. П. Сколько в России мусульман / И. П. Дорофеев // Dedadi.ru. URL: <https://dedadi.ru/obshhestvo/skolko-v-rossii-musulman.html> (дата обращения: 20.09.2020).
8. Зайцев А. Сколько православных в России? / А. Зайцев // Правмир. URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnyx-v-rossii-2/> (дата обращения: 07.07.2020).
9. Значение толерантности в Исламе // Современное евразийство. Центр Льва Гумилёва в Азербайджане. URL: <http://az.gumilev-center.ru/znachenie-tolerantnosti-v-islame/> (дата обращения: 07.07.2020).
10. Золотухин В. М. Терпимость и толерантность: сходство и различие / В. М. Золотухин // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. № 2. С. 94-100.
11. Культура толерантности в исламе. Ислам и свобода вероисповедания // Ислам.ру. Исламский информационный портал. URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43540> (дата обращения: 07.07.2020).
12. Ларичев В. Д. Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) / В. Д. Ларичев // Общество и право. 2011. № 1. С. 130-133.

13. Мигущенко О. Н. Противодействие религиозному экстремизму: постановка проблемы / О. Н. Мигущенко // Юридический мир. 2015. № 11. С. 54-59.
14. Покаяние перед старообрядцами Архиерейского собора РПЦЗ // Во свете Библии: православный библейский сайт. URL: http://gitie.ru/old_kistine/Statii/25_Statii.html (дата обращения: 07.07.2020).
15. Православная вера и таинство крещения // ВЦИОМ: оф. сайт. 2019. 14 августа. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 07.07.2020).
16. Просвещение и религиозная толерантность. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 12 декабря 2018 года № 73/128. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/128> (дата обращения: 07.07.2020).
17. Стернин И. А. Толерантность и терпимость / И. А. Стернин // Стернин И. А.: сайт. URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> (дата обращения: 07.07.2020).
18. Старообрядчество в современной России // Русская вера: оф. сайт. URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii (дата обращения: 07.07.2020).
19. Тарасевич И. А. Доктрина религиозной безопасности Российской Федерации: конституционно-правовое исследование / И. А. Тарасевич. Тюмень: Печатник, 2019. 356 с.
20. Терпимость и толерантность // Сайт Прихода Никольского храма пгт Добринка. URL: http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otliche_raznykh_ponjatij/0-2672 (дата обращения: 07.07.2020).
21. Толерантность и терпимость // Незнакомое православие: миссионерский отдел Московской епархии. URL: <http://www.missionary.su/theology/13.htm> (дата обращения: 07.07.2020).
22. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.
23. Якутин Н. На началах веротерпимости / Н. Якутин, А. Князев // Экономика и жизнь. 2010. № 37. С. 21. URL: <https://www.eg-online.ru/article/112109/> (дата обращения: 07.07.2020).
24. Kirillov D. Criminal law and criminological aspects of religious tolerance in Russia / D. A. Kirillov, O. V. Pavlenko // Zhurnal Grazhdanskogo i Ugolovnogo Prava. 2019. Vol. 6 (1). Pp. 9-17.

Ivan A. TARASEVICH¹
Dmitry A. KIRILLOV²

UDC 342

**CORRECTION OF THE CONSTITUTIONAL BASIS
OF RUSSIA RELIGIOUS SECURITY
IN THE CONTEXT OF THE CRIMINOLOGICAL SIGNIFICANCE
OF RELIGIOUS TOLERANCE***

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Lecturer,
Research Associate, University of Tyumen (2005-2018);
Cleric of the Russian Orthodox Church
ioann@ruweb.net

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
University of Tyumen
kdakda@yandex.ru

Abstract

According to the logic of the updated RF Constitution and the UN Resolution on enlightenment religious tolerance, the latter is defined as the optimal principle of the arrangement of interreligious relations. This logic is also consistent with the goals of effective prevention of inter-religious aggression in the context of the implementation of the doctrine of religious security, since it takes into account the religious people's mechanism of criminal behavior features. Meanwhile, the constitutional law basis of religious security, including Russian legislation on freedom of conscience, is not consistent with such a logic. This indicates the importance of correcting the existing legal approaches. The proposed statement and consideration of the question in the research aspect are new.

---

* The orthodox priest Mikhail Kurochkin (1952-2015) provided religious advice on religious tolerance as well on the canonical and old faith Orthodoxy.

Citation: Tarasevich I. A., Kirillov D. A. 2020. "Correction of the constitutional basis of Russia religious security in the context of the criminological significance of religious tolerance". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 3 (23), pp. 212-232.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-212-232

This study, continuing for more than ten years, touches upon a wide range of constitutional and legal issues of the religious space, and it is reflected in more than 40 articles by the authors. The research methodology is based on the dialectical methodology. The elements of other methodological approaches are also used, in particular, the methods of falsification and abstract slice. The study conducted surveys of more than nine hundred people, who identified themselves as religious people, religious agnostics, and atheists.

The purpose of this research aspect presented in this article is to justify the importance of correcting the legal regulation of interreligious relations from the point of view of the criminological significance of religious tolerance for religious security purposes. This aspect is relevant in connection with the accumulation of ideas of religious exclusivity in society, as well as the rejection of religious tolerance.

This article finds the criminological significance of religious tolerance as one of the most important factors of religious security, and it points out the inferiority of patience in matters of faith as the Russian legislative antipode of religious tolerance. The authors also highlight the absence of religious tolerance in Russia, and they propose priority measures to ensure legal institutionalization of tolerance in the religious space. These measures include, in particular, the use of the positive potential of the two largest religious communities in Russia: Sunnism and canonical Orthodoxy — and proposals for a legislation change.

Keywords

Interreligious relations, religious security, legislation on freedom of conscience, persons of a different faith, criminological background, religious tolerance, patience in matters of faith, religious space.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-212-232

REFERENCES

1. Anisin A. L. 2014. "Criminological significance of the religious factor". *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 2, pp. 63-70. [In Russian]
2. Bespalko V. G. 2017. "Doctrine of crime and punishment in the Pentateuch of Moses". *Dr. Sci. (Jur.) diss. Moscow*. 493 pp. [In Russian]
3. Miloserdie: pravoslavny portal o blagotvoritelnosti. "Great Post in the mirror of marketing and sociology". Accessed 7 July 2020. <https://www.miloserdie.ru/article/velikij-post-v-zerkale-marketologii-i-sociologii/> [In Russian]
4. Volgusheva A. A. "Religious tolerance". *Tsentr upravleniya finansami*. Accessed on 20 September 2020. <http://center-yf.ru/data/stat/religioznaya-tolerantnost.php> [In Russian]
5. Danilov A. P. 2015. "Criminological theory of tolerance/ Criminology yesterday, today, tomorrow". *Journal of the St. Petersburg International Criminological Club*, no. 4. pp. 27-31. [In Russian]
6. "Declaration of principles of tolerance. Approved by resolution 5.61 of the UNESCO General Conference of 16 November 1995". *Tolerantnost*. Accessed 7 July 2020. <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> [In Russian]

7. Dorofeev I. P. "How many Muslims are in Russia?". Dedadi.ru. Accessed 20 September 2020. <https://dedadi.ru/obshhestvo/skolko-v-rossii-musulman.html> [In Russian]
8. Zaitsev A. "How many Orthodox in Russia?". Pravmir. Accessed 7 July 2020. <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnyx-v-rossii-2/> [In Russian]
9. Sovremennoe evraziystvo. Tsentr Lva Gumileva v Azerbaydzhanе. "The significance of tolerance in Islam". Accessed 7 July 2020. <http://az.gumilev-center.ru/znachenie-tolerantnosti-v-islame/> [In Russian]
10. Zolotukhin V. M. 2003. "Patience and tolerance: similarities and differences". Vestnik of Kuzbass State Technical University, no. 2, pp. 94-100. [In Russian]
11. Islam.ru. "Culture of tolerance in Islam. Islam and freedom of religion". Accessed 7 July 2020. <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43540> [In Russian]
12. Laritcev V. D. 2011. "General social crime prevention. What is this, a kind of criminological crime prevention or just the progressive development of society? (Statement of question)". Society and Law, no. 1, pp. 130-133. [In Russian]
13. Migushenko O. N. 2015. "Combating religious extremism: the problem". The Legal World, no. 11, pp. 54-59. [In Russian]
14. Vo svete Biblii. "Repentance to the Old Believers of the bishops' Council of ROCOR". Accessed 7 July 2020. http://gitie.ru/old_kistine/Statii/25_Statii.html [In Russian]
15. VTsIOM. 2019. "Orthodox faith and the sacrament of baptism". 14 August. Accessed 7 July 2020. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> [In Russian]
16. UN GA. 2018. "Enlightenment and religious tolerance. Resolution". 73rd UN GA session (12 December, New York City). Accessed 7 July 2020. <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/128> [In Russian]
17. Sternin I. A. "Tolerance and Patience". Accessed 7 July 2020. <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> [In Russian]
18. Russkaya vera. "Old believers in modern Russia". Accessed 7 July 2020. http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii [In Russian]
19. Tarasevich I. A. 2019. Doctrine of the Religious Security of the Russian Federation: Constitutional and Legal Research. Tyumen: Pechatnik. 356 pp.
20. Sayt Prikhoda Nikol'skogo khrama pgt Dobrinka. "Patience and tolerance". Accessed 7 July 2020. http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672 [In Russian]
21. Neznakomoe pravoslavie: missionerskiy otdel Moskovskoy eparkhii. "Tolerance and patience". Accessed 7 July 2020. <http://www.missionary.su/theology/13.htm> [In Russian]
22. RF Federal Law of 26 September 1997 No. 125-FZ (as of 8 December 2019) "On freedom of conscience and about religious associations". Collection of legislative acts of the Russian Federation, 29 September, no. 39, art. 4465. [In Russian]
23. Yakutin N., Knyazev A. 2010. "On the principles of faith-patience". Economics and Life, no. 37, p. 21. Accessed 7 July 2020. <https://www.eg-online.ru/article/112109/> [In Russian]
24. Kirillov D. A., Pavlenko O. V. 2019. "Criminal law and criminological aspects of religious tolerance in Russia". Zhurnal grazhdanskogo i ugolovno go prava, vol. 6 (1), pp. 9-17 [In Russian]